

Наверное, я сейчас выглядел довольно... экзотично (на язык, правда, рвалось другое слово, являющееся матерным синонимом к слову «глупо»). Только представьте – обтянутый кожей скелет с длинными нечёсаными патлами, засохшими разводами крови по всему телу и, как вишенка на торте, прозрачным мешком с желтоватой жидкостью в руке. Прям сцена из «Очень страшного кино» какого-нибудь – настолько же странная, насколько жуткая. Правда пришлось в угоду практичности перебороть свою брезгливость и, после того как обшарил карманы мертвеца, чувствуя себя, откровенно говоря, крайне странно, обвязать вокруг бедёр его пиджак на манер набедренной повязки.

К слову, в карманах у, как выяснилось, Карла Коунена, на удивление нашлось парочку полезных вещей. Помимо бумажника с парой десятков купюр разного номинала и водительского удостоверения (всё же я был прав, и прихвостень оказался германских кровей), нашлась так же небольшая стопка визиток с номером телефона и всё с тем же именем, а также припиской «адвокат». Хороший адвокат, что могу сказать... Почти адвокат дьявола, только вампира, хех. В общем, помимо упомянутого, в карманах так же нашлась пластиковая ключ-карта от, как я понял, местных дверей. Если честно, то сомнительное решение, на которое, думаю, можно плюнуть, если это вампирское логово, набитое кровососами и вооружённой охраной, н-да... Так же в нагрудном кармане нашёлся допотопный кнопочный мобильный телефон, но учитывая, что на дворе стоял две тысячи третий год, то оно и понятно. Его, к слову, я тоже решил прихватить. Более Карл ничем не смог со мной поделиться, так что, обернув пиджак вокруг бёдер, сложив намародёрненное в карманы и прихватив мешочек с булькающей отравой, потопал я бродить по вампирскому логову в поисках выхода.

Впрочем, выбора «путей» особо-то и не было – идёшь по единственному и пустому коридору, от одной открытой двери к другой, с чёткой надеждой не натолкнуться ни на кого, а то в моём состоянии сейчас только в драки и влезать. Хотя, как я уже говорил, я абсолютно не знал настоящих пределов, на которые был способен Виктор, так что, возможно даже в таком состоянии я смогу неприятно удивить своих врагов, но всё же сильно полагаться на это не стоит.

Так, довольно медленно и пошатываясь, я добрался до последней двери, за которой виднелось большое открытое пространство с каким-то постаментом в центре. А ещё прямо сейчас оттуда доносились звуки, довольно сильно напоминающие выстрелы дробовика. Кажется, именно туда старик утащил Блэйда. Как я это определил? Ну, помимо того, что это был единственный путь из той комнаты, где нас держали, то в пользу этого говорили характерные смазанные следы крови на полу и кровавые отпечатки ладони на стене через равные промежутки. Так что, да, ненужно быть следопытом, дабы понять, куда направились эти двое.

А если меня не обманывают глаза и это действительно огромные прозрачные трубы, по которым течёт кровь, то становилось понятно, что они там захотят подзадержаться. Да и мелькает что-то такое в памяти с бассейном крови и эпичным противостоянием отождравшегося дампира с каким-то там лысым гадом (не тем, что «хрень», а другим, у него ещё вроде бы бомба в башке была или что-то такое, не помню в общем). Так что, как мог, пригнувшись, пополз, смотреть как местный «бобёр» будет надругаться над «ослом».

Подоспел я вовремя, отчего смог воочию увидеть эпичный «камбэк» героя... Кхм, так вот, эпичного там ничего не было – Блэйд просто вылез из натурального бассейна, навскидку, пять на пять метров, заполненного кровью и, попёр на толпу охранников, вооружённых, за каким-то

хреном не огнестрелом, а, блять, дубинками... Самыми настоящими, мать их, полицейскими дубинками! Ага, со сраными резиновыми дубинками на мужика, что вампирам бошки рубит! А ещё этот самый мужик щеголял сейчас в одних лишь, вымоченных в крови, трусах... Мне захотелось со всего маху приложиться головой к холодной металлической стене... раз десять. Вот только осознание того факта, что могу попросту не пережить такого перформанса, заставляло сердце сжиматься от боли, а из глаз течь кровавые слезы. Утрирую, конечно, но одно осознание того, что вот эти вот люди пленили Виктора, а второй – спас уже меня... Ха-а-а...

Что-то противопоставить накаченному свежей (я надеюсь) кровью по самые брови дампирю, мог лишь лысый мужик в тёмных очках, надетых явно для «+1 к брутальности», но дающих «-20 к интеллекту», поскольку, кхм, ну, тёмные очки в помещение, серьёзно? Их носят либо слепые, либо долб... иди... да что ж такое-то, крети... глупые индивидуумы, во! Только я сильно сомневаюсь, что у этого лысого проблемы со зрением, так что, немудрено, что, пока Блэйд уменьшал популяцию охранников вампирского логова, тот, подтверждая свои умственные способности... просто стоял и наслаждался шоу.

Примерно в схожем с моим, душевном состоянии, сейчас находился и старик, лежащий в десятке метров от меня и смотрящий вниз, держась за край помоста. Хотя он, как мне показалось, уже привычен к такому, поскольку не кривил лицо каждые две секунды, как это делал я. Меж, тем Блэйд успел расправиться с двадцаткой охраны и сейчас с невозмутимым лицом и кровавыми труселями направился к лысому идиоту.

— Хм, — покивал тот в стиле «неплохо-неплохо», пока дампир подходил ближе, потом наклонился(!), положил дробовик(!), что держал всё это время в руках, на пол(!!!), и начал двигать пафосные речи, в очередной раз заставив меня задуматься над тем, настолько-ли тяжело мне будет после того как я всё же побьюсь головой об такую притягательную, оббитую металлом, стеночку, или всё же не стоит... — Как сказал мой папа, прежде чем убить маму, — из завёрнутых в тряпки ножен лысый вытащил меч, чем-то напоминающий катану, только полностью прямую. — Чтобы всё было сделано на совесть, — сделал несколько показушных вращений мечом. — Сделай это сам...

Тем временем Блэйд уже подошёл на дистанцию ближнего боя и, словно только этого и дожидаясь, лысый, продолжил:

— А ещё он говорил... — и резко вскинул меч, пытаясь в одно движение располовинить дампиря от паха до шеи. Вот только Блэйд в очередной раз показал, кто тут «папочка» и поймал лезвие, зажав то прямо между ладоней. Вот тут я удивился. Нет, не только тому, что чернокожий охотник смог остановить меч зажав его кончик между ладоней – это уже само по себе что-то выходящее за рамки моего здравого смысла, но больше всего меня поразила скорость, с которой были сделаны два этих движения. Она была очень большой. Настолько, что предыдущее сражение с охранниками казалось медленным и постановочным представлением, типа в притворном «слоу-мо». К слову, несмотря на всё это, я понял, что спокойно могу поспевать и прекрасно реагирую на показанную скорость.

Даже на секунду перестал считать лысого полным идиотом, просто осознав, что к жизням охранников он относился как к чему-то бесполезному. Чему-то, кого можно пустить на убой,

ради, так сказать, аперитивчика, дабы оппонент слегка разогрелся, перед настоящей дракой. Вот только секунда слабости прошла, и я вновь продолжил считать того идиотом, только теперь ещё и с непомерно раздутым самомнением. А для себя сделал зарубку в памяти, что врага нельзя недооценивать и нужно бить его максимально быстро и эффективно, используя все доступные средства, а не вот это всё.

Лысый краснел. Лысый кряхтел. Думаю, мог бы и газов пустить, но не уверен, способны ли вампиры на такое вообще, а в том, что это кровосос я не сомневался ни секунды. Впрочем, несмотря на все свои потуги, преодолеть силу, с которой Блэйд зажал клинок (Блэйд и клинок, хах, забавно) ладонями, не мог. А вот сам афро-охотник, с внешне невозмутимым лицом, медленно, но, верно, заставлял натужно изгибающийся клинок выворачиваться из рук вампира. Наконец, резко разжав ладони и в одно слитное движение подбив лезвие меча ладонью снизу, запуская то в полёт, нанёс пару быстрых ударов кулаками по отвлечшемуся на секунду противнику, после чего не глядя поймал падающий меч и резким движением, так сказать, показал мастер-класс, располовинив лысого от паха до самой макушки в одно движение, заслужив мои овации.

Дежавю. Едва ли не подпрыгнувший от неожиданности старик вновь направил на меня свою пушку, а Блэйд весь резко подобрался, но, видать, опознав во мне соседа по вивисекторскому столу, расслабился. Немного. Совсем капельку. А вот старый, с видом, будто живой труп увидел (ах, да...) продолжал тыкать в меня своей пушкой.

— Тише-тише, — примирительно поднял руки, всё так же продолжая держать пакет с, кхм, со смущающего цвета, жидкостью. — Я не с ними, говорил же уже.

— Как ты тут оказался? — взял слово дед.

— Эм, — я оглянулся назад на открытую дверь, после чего снова на деда, только при этом постарался всем своим видом передать, что начинаю сомневаться в мыслительных способностях напарника Блэйда. — Пришёл. Или мне нужно было тихо мирно лежать и ждать, пока из меня снова не начнут выкачивать кровь? — вот только теперь уже меня окинули довольно красноречивым взглядом, в котором так и читалось, что-то вроде «как вообще человек может в таком состоянии ходить», а потом этот... кхм, в общем он нехорошо прищурился, отчего я понял, что меня начали явно подозревать в чём-то не очень хорошем.

Впрочем, вскоре мои мысли подтвердились. Старик, не сводя с меня взгляда, но главное дула пушки, свободной рукой зашарил по внутреннему карману куртки, потом, видимо, не найдя ничего, на мгновение скривился, помедлил и достал из-под ворота рубахи крест на цепочке и, зажав в кулаке, дёрнул, срывая с шеи.

— Подними, — кинул он украшение мне под ноги. Я же стоял, думая, как поступить. Нет, что это проверка из разряда «а не гадкий кровосос ли этот, выглядящий как скелет, подозрительный мужик», я понимал. Вот только паранойя, неустанно шепчущая мне на ушко, о том, как может быть опасно в моём состоянии нагибаться за всякими побрякушками, брошенными, наставившим на тебя пушку, охотником на вампиров, явно была против.

«Вот нагнёшься ты за побрякушками, защежит резко спину, ойкнешь неосознанно, а он подумает, что ты «ойкнул», когда обжёгся о серебро и высадит в тебя всю обойму».

Не то чтобы я прям сильным паранойиком был (хотя иногда... особенно в последнее время, так очень часто кажется), но после всего, через что я прошёл, так позорно умереть будет очень и очень обидно, так что:

— Ты мне не доверяешь, и я тебе тоже, — смотрю прямо на старика. — Если для тебя это покажется оскорблением, то прости, но умышленно ставить себя в ещё более уязвимое положение мне не хочется, так что... — я медленно приподнял ногу, стараясь показать, что стопа у меня ничем не измазана и не прикрыта, после чего, смотря как медленно расширяются глаза деда, наступил на цепочку. — Только так. Цепочка ведь тоже серебряная?

— Нет... — с нечитаемым выражением лица ответили мне. Блять...

— Кхм, нело-о-вко вышло...

— Поднимай. И без глупостей, — а это уже Блэйд решил добавить, успевший облачиться в одежду сгоревшего лысого вампира. А быстро он, однако!

— Хорошо, я подниму, но только если старик опустит пушку, — после чего добавил со вздохом.
— Всё равно, успеет же поднять и выстрелить, даже если я резко сорвусь к нему.

— Уистлер, — Блэйд кивнул старику, на что тот, помедлив и поиграв с тем в гляделки, всё-таки согласился с моим предложением:

— Ладно, а теперь поднимай.

Стараясь не спускать взгляда с действительно отведшего пушку в сторону деда, я медленно (потому что быстрее не мог) нагнулся, согнув хрустнувшие в коленях ноги, и поднял лёгкий и довольно большой крестик, что и показал старику.

— Убедился? Не кровосос я.

— Угу, — буркнул тот. — Но выглядишь ты дерьмово.

— Да и ты не топ-модель с третьим размером, — вернул колкость Уистлеру.

— Будь я топ-моделью с третьим размером, то не пришлось бы платить за выпивку, — хмыкнул он, наконец опустив пушку.

— Ага, деньгами, — и так пошленько, с намёком, будто уже успел представить, как бы тот «расплачивался» за выпивку, обладай означенной внешностью, кривенько улыбнулся.

— Тебе говорили, что ты раздражаешь? — недовольно поджал губы Уистлер.

— Ты первый, — подошёл я, протягивая крестик с цепочкой старику. — За сегодня...

— Хм, — одобрительно хмыкнул тот, складывая украшение в нагрудный карман.

— Я пошёл, — раздался голос Блэйда. — Не вляпайтесь в какое-нибудь дерьмо.

— Эй, малыш, — достав из кармана чёрные очки, Уистлер, и, не дожидаясь, пока дампир обернётся, просто взял и кинул их тому, но самое забавно, что Блэйд их пафосно поймал одной рукой, после чего надел.

А у меня против воли вырвался измученный вздох, на который старик вопросительно приподнял бровь в немом вопросе.

— В помещении солнцезащитные очки носят, либо слепые, либо идиоты...

— У вампиров, даже у полукровок, вроде Блэйда, зрение куда чувствительнее человеческого, — тоном отца, защищающего сына, отбрил мой «наглый поклёп» Уистлер.

— Да-да, чувствительнее...

— Пошли, — недовольно скривил морду лица старик. — И что это за бурду ты с собой таскаешь?

— Это? — приподнял я мешок с отравой, получив подтверждающий кивок. — Да так, трофей, а то они с меня кровушки нацедили, вот и я решил, что вправе прихватить парочку трофеев.

Было видно, что такой ответ Уистлера не удовлетворил, но придираться тот лишний раз не стал, предпочитая поскорее свалить из этого места, пока Блэйд, по всей видимости, направился крошить «финального босса».

Внизу, у бассейна, помимо пепелища имени лысого кровососа и двух десятков тел охранников, находились пять странных постаментов с сотнями, если не тысячами эмбрионов в отдельных капсулах. Всё это подсвечивалось изнутри и к каждой маленькой капсуле подводилась трубочка для циркуляции крови. Судя по всему, той самой, из бассейна. Пока я задумчиво рассматривал, силясь вспомнить, что это за хрень такая, Уистлер обшарил то, что осталось от лысого идиота, и того, что не забрал Блэйд, после чего из кучи пепла вампира достал связку гранат.

— Двигай давай, сейчас подрывать буду всю эту нечисть, — дважды мне повторять не надо было и, пусть так и не удалось вспомнить, что это за эмбрионы такие и нафига они нужны, я поспешил поскорее свалить из зоны поражения гранат.

Дальше было просто – выдернуть чеку, метнуть гранату, услышать «бум», повторить. И так пять раз. Когда же и с этим было покончено, мы со стариком, ковыляя и кряхтя, я – потому что отравившись крайне медленно, а также потому что выглядел как обтянутый кожей скелет, Уистлер же – потому что носил металлический «ходунок» вокруг колена, стали выбираться. На мой вопрос о том, что это за штукавина такая и нафига она ему, был дан лаконичный ответ ворчащим тоном, мол, поранился, когда брился, с говорящим таким выражением на морде лица, дескать, хочешь правды, то начни с себя. Впрочем, пофиг, не сильно то и хотелось.

Выбравшись из, как я понял, исследовательской части, банально поднявшись на лифте (за что я даже в какой-то степени был благодарен кровососам, поскольку лестницы в нашем со стариком состоянии — это тяжело. Очень тяжело) мы попали в самый настоящий музей древности – всюду разное оружие на стенах: мечи, алебарды, луки, топоры. Все они выглядели как нечто из разных эпох, как и металлические латы, напаянные на манекены и стоящие по углам на манер стражи, мечами в пол. Стены были отделанные натуральным камнем, древним, пористым. Ну и мраморный пол, куда же без него-то. Про различные украшения, будь то вазы, в которых даже дилетант опознает многовековые предметы роскоши, стоимостью, эквивалентны в соотношении где-то миллион долларов за год древности. Картины, ковры на полах... В общем, да, это скорее напоминало именно музей, а не вампирскую базу.

По мере продвижения по жилой части, до моего слуха стали доноситься звуки схватки, которые с каждым мгновением угасали, и едва различимые перебрасывания фраз, в которых я мог понять разве то, что одним из говорящих был Блэйд – всё-таки тембр у него уникальный, глубокий, басистый. Миновав последнюю сотню метров, я понял, что битва окончательно прекратилась и сейчас там осталось только двое живых – сам охотник и какая-то женщина, с которой тот сейчас разговаривал.

Стоило нам войти, сквозь массивные резные двери, как моим глазам предстала картина двух едва ли не воркующих голубков... С той лишь разницей, что эти две «птички» предпочитают жрать людей (одна так точно). Когда же на наше со стариком появление обратили внимание, началось странное...

Довольно привлекательная молодая женщина со слегка смугловатой кожей, одетая во всё чёрное и кожаное, а также чёрными, немного вьющимися и спускающимися до середины шеи волосами, увидела меня. Её глаза расширились, а сама она, испуганно вскрикнув, отпрыгнула спиной назад, да так сильно и быстро, что, не упрись в стену в двух метрах позади себя, то пролетела бы ещё метров десять. Всё произошло за жалкие секунды – вот она видит меня, в её глазах появляется узнавание, паника, а затем едва ли не животный ужас.

— N-netvor!* — на незнакомом языке, натурально вжимаясь в стену в колотившем ужасе, прошептала та, не сводя с меня расширенных в животном страхе глаз. Её будто голую бросили в клетку с самым ужасным монстром, который смотрел на неё, уже предвкушая как будет отрывать куски её сочного тела, под крики агонии и безысходности.

— Нисса? — напрягся Блэйд, переводя взгляд с женщины на меня. А я... моё внимание привлёк лежащий немного в стороне труп вампира. Поправочка – окаменевший труп вампира. Внутри головы словно что-то зачесалось, требуя подойти ближе. Подойти, узнать что-то, отчего этот зуд исчезнет. Что-то важное.

Повинуясь порыву, я подошёл к трупу вампира, выглядящего как самый настоящий носферату, почти карикатурный, только без уродских, торчащих в разные стороны, клыков. А вот когти на пальцах были. Внезапно в голове начали проноситься картины прошлого, как вспышки, но они принадлежали не мне, а оригинальному Виктору.

Бой. Я видел тот день, когда Франкенштейна заманили в ловушку. Видел, как десятки вампиров в полных выгрузках залетели в комнату, после того как туда пустили газ. Видел, как мелькают силуэты. Видел, как я отбивался от них. Чувствовал, как тяжело даётся управление силой, из которой я создавал энергетически клинки, коими кромсал тела ублюдочных кровососов. Слышал их панические крики, когда их план не удался и просто так захватить меня у них не получилось, отчего пришлось заваливать телами, в отчаянной попытке подавить. Я чувствовал, что мне не хватает сил призвать Копьё, чувствовал, как слабею. Отчаянно борюсь, но продолжаю слабеть. В голову приходит единственная мысль – рвать их, иначе не выстоять. И я рвал их, под панические крики ужаса. Рвал: одного, второго, десятого, двадцатого... Казалось, они поняли, что единственный способ выжить – продолжать заваливать меня телами, видя, что я начинаю сдавать позиции. И... у них получилось. Моё сознание померкло, погребённое под грудой вампирских тел.

Я помню ту бессильную злобу, когда этот ублюдок, представившийся как Эли Дамаскинос, зовущий себя одним из владык вампиров – старейшиной, с самодовольной улыбкой предлагал мне пойти к нему на службу. Помню, как пообещал ему, что им не удастся меня сдержать и когда я выберусь, а я выберусь, то оторву голову всем его «птенцам», всем его детям, а потом и ему. Помню и его гаденькую улыбку, когда он ушёл, обещая навестить меня завтра. Ему было интересно, когда я сломаюсь. Дамаскинос предвкушал тот момент, когда моя воля дрогнет, когда я, сломленный, упаду к нему в ноги, прося клеймить меня своей меткой. Предвкушал тот момент, когда «великий» Виктор Франкенштейн, самолично попросит поставить на него рабскую метку...

Он приходил каждый день, задавая один и тот же вопрос. Приходил спустя два дня, три, неделю и месяц. Вот только каждый раз ему не удавалось увидеть то, чего он так желал. Не удавалось сломить меня. В какой-то момент, вместо него пришёл тот адвокатишка, Курт, едва ли не светящийся от довольства и гордыни – как же, его хозяин настолько велик, что смог поймать того, по сравнению с кем обычные охотники на вампиров – хулиганы с ведром краски, разрисовывающие стены. Захватил одного из тех, за чью голову старейшины вампиров готовы отдать половину своих богатств, а они у них, за века жизни накопились такие, что способны потягаться с состоянием некоторых стран.

Только чем дальше шло время, тем быстрее начала гаснуть надежда внутри меня. Надежда, что я смогу выбраться. Мой разум с каждым днём слабел, подтачиваемый изнутри моим личным проклятием. Тёмным Копьём. Оно шептало. Кричало. Обещало спасение – лишь немного ослабь поводок... Позволь выстроенному внутри щиту железной воли дать трещину. Маленькую, едва заметную, но Копьё хватит. Оно, подобно воде, просочится, постепенно расширяя трещину, пока не сокрушит преграду. Медленно, но верно.

Наваждение схлынуло так же быстро, как появилось, сотворив внутри меня настоящую бурю эмоций. Я... За эти несколько секунд, что прошли в реальном мире, я словно прожил тот год. Прожил, чувствуя всё, что чувствовал Виктор. Я и был Виктором. Был Франкенштейном. Жил в его шкуре, чувствовал, как постепенно схожу с ума, как угасает надежда... И с каким трудом переносил своё, тупорылого попаданца, появление! Сейчас я чётко осознал, что не просто ходил по очень тонкому льду, а со всего маху бил гранатой по ядерному реактору! Все эти завывания, от которых Франкенштейну хотелось оторвать собственные уши... Если бы это только смогло помочь, но он не мог, потому что из последних сил удерживал почти вырвавшееся Копьё. Сладкие моменты тишины, когда парой ответов удавалось выторговать себе моменты покоя... А также я осознал в полной мере, насколько устал Франкенштейн. Осознал, почему он так легко ушёл. А также понял, что, даже продержись он на день больше, как я того давн...недавно боялся, то сделал бы тоже самое. Он устал и был измучен настолько, что ушёл бы в любом случае, просто не хотел отдавать Копьё своё тело, по факту, выпуская в мир неконтролируемое чудовище, но раз так удачно появился я, то...

Осознав всё это, прожив целый год в шкуре Виктора, чувствуя всё то, что чувствовал он и, в конце концов, став им и вернувшись обратно, мне оставалось лишь сделать то единственное, что мог.

От мощного удара ногой, обратившееся камнем тело вампира разлетелось мелкими осколками. Я лишь запоздало удивился от того, что нога совершенно не почувствовала сопротивления, а также треснувшему мраморному полу, покрывшемуся от силы удара паутиной трещин и промявшись на сантиметр вглубь. В этот удар я постарался вложить всё то, что испытал Виктор. Всю боль, ярость, бессилие, разочарование в самом себе и усталость, повисшую на нём мёртвым грузом. Всё в одном ударе, приправленном сверхъестественной силой, которой усиливал своё тело Виктор. Да, я понял, как это делать. Понял, после того как самолично делал это в той битве, ослабленный и рвущий вампиров на части.

Сзади раздался испуганный сдавленный вскрик, частично отвлекший меня от меланхолического состояния, возникшего из-за бури эмоций. Вернее, количества пережитого за столь краткий миг, что привело к самому настоящему эмоциональному выгоранию. Не говоря ни слова, я повернул голову к, казалось, ещё сильнее вжавшейся в стену девчонке. Да, девчонке... Совсем молодая, даже сотни лет ещё нет. Её я тоже «вспомнил».

— Нисса Дамаскинос, — голос звучал блёкло и безэмоционально, устало.

— Не рыпайся, парень... — как ему казалось, грозно, рыкнул Блэйд, заслоняя собой дочь раздавленной мной окаменелости. Закрывал спиной девчонку, чью жизнь я обещал забрать, перед тем как убью её отца. Вот только ни вырваться, ни даже отнять жизнь никого из них у меня не вышло... Да и не получится уже – Виктор ушёл, так и не отомстив. Ярости не было, как не было и злости – лишь подлая меланхолия. Ироничная, молчаливая, насмешливая.

— У-уходите... — дрожащим голосом, не отрывая от меня испуганного взгляда шептала Нисса. — Бегите, ему нужна лишь я, — в голосе девочки появились нотки фаталистического смирения. Готовности пожертвовать собой. Принять свою судьбу. Она прекрасно знала, кто я. Знала, потому что была там, в тот день. Была и видела, что стало с её сородичами. Стало с её семьёй.

— Мне объяснит кто-нибудь, что за чертовщина тут происходит?! — направивший пистолет в мою сторону старик был предельно напряжён. Я чувствовал это, даже не смотря в его сторону. Понимал по звуку сердца. Нервному, не ровному. Как и видел, насколько напряжен был Блэйд, готовый в любой момент сорваться в мою сторону.

— Э-это, — голос девочки всё ещё подрагивал, несмотря на сквозящее в нём смирение, а сердце... Её сердце стучало с такой скоростью, что, казалось, ещё чуть-чуть и лопнет. — Это — Виктор Франкенштейн. Жнец... Жнец немертвых.

* — Netvor (чешский) – чудовище.

<http://tl.rulate.ru/book/99886/3553166>